

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ИВАНА IV

В одной из предшествующих глав книги мы приводили обращенные к царю слова старца Артемия: «И сам измлада Священное Писание умееши». Не исключено, однако, что эти слова были простой любезностью. Все, что мы знаем о жизни царя до его встречи с Сильвестром, никак не говорит о его пристрастии к размышлениям над книгами. Однако после этой встречи положение должно было измениться. Сильвестр был, несомненно, образованным книжником. Об этом свидетельствуют уже его послания, полные цитат из Священного Писания и творений отцов церкви. Известны и принадлежавшие Сильвестру рукописи (большая их часть сохранилась в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря); среди них имелись и тексты Священного Писания (в их числе и «исторические» книги), и сочинения отцов церкви и византийских писателей более позднего времени, и труды русских книжников XV—XVI веков (в том числе и «Просвети-

тель»). В его собрании были даже греческие рукописи — редкое явление в русских книжных собраниях этого времени.

Несомненно, Сильвестр должен был приобщать воспитанника к чтению книг и в беседах с ним постоянно обсуждал прочитанное. Успеху наставлений Сильвестра способствовало то, что он не был единственным образованным человеком среди тех, с кем молодой царь постоянно общался в 50-е годы XVI века. Выдающимся знатоком древнерусской книжности был глава русской церкви митрополит Макарий (о чем речь пойдет ниже), высокообразованным человеком проявил себя и один из создателей крупнейшего памятника русской исторической мысли XVI века — «Степенной книги», духовник царя протопоп Благовещенского собора Андрей. Но и среди светских лиц в окружении царя имелись люди, чья ученость не уступала учености духовных эрудитов и книжников. Так, незаурядными богословскими познаниями обладал молодой в то время руководитель Посольского приказа, дьяк Иван Михайлович Висковатый, о чем достаточно ясно говорят его критические замечания по поводу иконографии кремлевских икон, заказанных Сильвестром. Несмотря на свой возраст, образованным книжником был и молодой аристократ, горячий почитатель Максима Грека, князь Андрей Михайлович Курбский, принадлежавший в 50-е годы к кругу близких друзей царя.

Косвенным, но убедительным свидетельством глубокого знания царем древнерусской книжности, знания, значительно превосходящего обычные, средние знания в этой области, могут служить сравнительно немногие известные нам факты, касающиеся формирования в эти годы царской библиотеки.

Хотя тексты Священного Писания являлись для людей русского Средневековья высшим авторитетом, широкое распространение в древнерусской письменности получили лишь те тексты из книг Ветхого и Нового Завета, которые читались во время богослужения. Рукописи, предназначенные для чтения, в особенности рукописи книг Ветхого Завета, были сравнительно редки, обычно они включали в себя лишь несколько библейских книг, а часть книг Ветхого Завета в эпоху Средневековья вообще не была переведена на славянский язык. Первый полный славянский перевод Библии был создан лишь в самом конце XV века по инициативе новгородского архиепископа Геннадия. Те книги Ветхого Завета, переводы которых в славянской письменности отсутствовали, пришлось перевести с латинской Вульгаты. Но и после выполнения этой работы рукописи с полным славянским текстом Библии оставались в России большой редкостью. Между тем именно такая рукопись была написана по заказу царя монахами Иосифо-Волоколамского монастыря в 1558 году. Таким образом, Иван IV принадлежал к кругу тех немногих людей, кто еще до печатного издания славянской Библии в Остроге на Украине в 1580 году имел в своем распоряжении полный славянский текст Священного Писания.

Настоящей энциклопедией, в которой были собраны все «душеполезные» книги, известные в древнерусской письменности, стали Великие Миней четьи, созданные по инициативе митрополита Макария. Огромное собрание текстов книг Ветхого и Нового Завета, житий святых и похвальных слов им, сочинений отцов церкви, поучений, посланий и толкований было распределено в рамках годового «круга чтения» на двенадцать громадных месячных книг — с сентября (первого месяца церковного года) по август. Работу над созданием такого свода Макарий начал в 1529/30 году, когда был еще новгородским архиепископом и мог заниматься поисками книжных богатств лишь в пределах своей Новгородской епархии. Работа продолжалась в течение двенадцати лет и завершилась созданием 12-томного собрания — так называемого Софийского комплекта Великих Миней четьих, предназначенного для хранения в Софийском соборе Новгорода Великого.

Работа по собиранию и литературной обработке текстов продолжилась после возведения Макария на митрополичью кафедру и завершилась в начале 50-х годов XVI века созданием нового, еще более грандиозного свода, по объему превысившему в два раза Софийский комплект. Помимо многих сочинений, разысканных для этого свода в книжных собраниях разных городов России, собрание было пополнено житиями многих русских святых, канонизированных на церковных соборах 1547 и 1549 годов. Новое 12-томное собрание митрополит Макарий в ноябре 1552 года дал вкладом в главный храм Русского государства — Успенский собор Московского Кремля. Во вкладной записи митрополит с чувством гордости писал, что в его энциклопедии «все святые книги собраны и написаны, которые в Русской земле обретаются». Ничего подобного история древнерусской письменности еще не знала.

И вот, когда подготовленное Макарием собрание еще не было передано в Успенский собор, в Новгороде началась переписка Софийского комплекта четьих миней, но на этот раз «повелением самодержавного царя и великого князя Ивана Васильевича». Как видно из записи одного из писцов, Мокия, надзор за работой был поручен священнику Софийского собора Фоме. Но кроме него работу многочисленных писцов, выполнявших царский заказ, контролировали и власти Новгорода. В записи от июня 1554 года Мокий простодушно признавался, что, когда «он не послушал того священника Фому», то было ему тогда «прещение велико с яростию от Федора от Сыркова» — дьяка, представлявшего в Новгороде особу государя.

Переписанный в Новгороде Софийский комплект Великих Миней четьих был затем пополнен недостающим материалом из Успенского комплекта и рядом новых текстов. Огромное 12-томное собрание «душеполезных книг», от которого до наших дней дошло лишь 10 томов, еще в XVII веке находилось в царских палатах. Так, благо-

даря предпринятым усилиям, молодой царь к концу 50-х годов стал обладателем самого большого в стране собрания произведений духовной письменности, сохранившихся в древнерусской письменной традиции.

С большой долей вероятности к тому же времени следует отнести и начало коллекционирования царем исторических текстов, которые в более поздние годы легли в основу многотомного иллюстрированного изложения мировой и древнерусской истории — созданного по заказу царя так называемого «Лицевого свода». Некий итальянец, посетивший Москву в 1557 году, записал, что в «настоящее время... император (Иван. — Б.Ф.) много читает из истории Римского и других государств» и все это имеет в Москве «на своем языке». С этой целью для царя копировали тексты из «Толковой палеи», древнерусские переложения византийских хроник и даже переведенный с латыни роман Гвидо да Колумна «История разрушения Трои».

Все это позволяет думать, что именно 50-е годы XVI века стали для молодого царя временем усиленных занятий над книгами. В результате он приобрел те познания богословия и древней истории, благодаря которым позднее неоднократно удивлял иностранных собеседников, а у русских людей последующего времени получил почетное прозвище «словесной мудрости ритор».

Можно не сомневаться, что в круг чтения монарха очень рано должны были войти и упоминавшиеся выше сочинения древнерусских авторов, в которых шла речь о природе власти русского государя, и известные в древнерусских переводах сочинения византийских писателей о природе власти византийского императора.

Прочитанное, по крайней мере в первые годы занятий, он должен был обсуждать со своим наставником и сравнивать с его наставлениями. Поэтому следует снова вернуться к этим наставлениям и рассмотреть те их стороны, о которых в предшествующем изложении еще не было речи.

В послании Сильвестра Ивану IV представление о характере и значении власти русского царя сформулировано с гораздо большей силой и убеждением, чем даже в разбиравшихся выше сочинениях Иосифа Волоцкого. Уже в самом начале послания Сильвестр приветствует молодого царя как «самодержца вечна, православныя веры истинного наставника, на Божия враги крепкого борителя, Христовы церкви столпа неколебимаго».

Выраженное в преамбуле убеждение, что важнейшая обязанность монарха учить подданных истинной вере и вести их по пути к спасению, далее настойчиво и неоднократно повторяется. Именно царь должен «праведную добродетель исполнити и осквернившееся очистити и заблудшееся на рамо (на плечи. — Б.Ф.) взяти и ко Христу привести». Бог, обращаясь к царю Сильвестр, «нарек тя... начальника, судию и пророка». Таким образом, на носителе высшей власти ле-

жит выполнение не только отрицательной задачи — очищение общества от носителей вредных учений, еретиков, но и воспитание этого общества в духе истинного христианского учения.

Для выполнения этой своей важной миссии монарх избран самим Богом. Он «скипетры царствия великого державу по закону прием крестной силой царя царем и господа господом». У Сильвестра не было сомнений и во всемирном характере этой миссии, которая отнюдь не ограничивается границами России. Не случайно он писал, обращаясь к царю: «Господь Бог... нарек тя... вождя и учителя всемирна». В послании князю Александру Борисовичу Горбатову Сильвестр писал о «христолюбивом Российском царствии, хотящем быти в последняя времена», а в послании царю он называл Российское государство царством, которое «в веки не подвижетца» (то есть не перестанет существовать). Исторической миссией именно этого государства и его главы является утверждение во всем мире единственной истинной веры — православия. Именно во исполнение этой миссии и были предприняты походы на Казань, так как «зело бо хошет сего Бог, дабы вся вселенная наполнилася православия». В послании князю Александру Борисовичу Сильвестр с удовлетворением писал, что именно Иван IV продолжает в настоящее время дело первого христианского императора — Константина Великого: «Самодержец всеа Россия... Божию благодатию уподобися царю Костянтину, тою же царскою багряницею обложен есть, те ж правоверия хоругви в руку своею благочестно содержит».

В послании к царю Сильвестр рисовал образ мировой христианской монархии, которая возникнет под его эгидой: «Обладаеши от моря и до моря, и от рек до конец вселенныя — твоя (то есть будут принадлежать тебе. — *Б.Ф.*) и поклонятца тебе все царие земстии и вси языцы (народы. — *Б.Ф.*) поработают тебе. И честно будет имя твое перед всеми языки и помолятца тебе всегда и весь день предстоят перед тобою».

Как видим, есть веские основания полагать, что не от кого иного, как от своего наставника молодой царь должен был воспринять представление о том, что он избран Богом для того, чтобы вести своих подданных по пути к спасению и распространять по всему миру истинную веру — православие. Это представление стало основой взглядов самого Ивана IV на характер собственной власти, хотя некоторые выводы, к которым он при этом пришел, заметно разнились с рекомендациями Сильвестра.

К сожалению, мы совсем не знаем, как складывались политические взгляды Ивана IV. Однако мы можем составить довольно четкое представление об окончательной форме, которую они приняли в первой половине 60-х годов, по тем предельно ясным, чеканным высказываниям о власти, которые рассыпаны на страницах его Первого послания Курбскому. (Более поздние сочинения царя не

вносят в вырисовывающуюся здесь картину ничего принципиально нового.)

В ряде случаев очень полезный комментарий к этим высказываниям дают политические экскурсы в таком выдающемся памятнике русской исторической мысли, как «Степенная книга» («Книга степенна царского родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей»). Памятник этот представляет собой изложение событий русской истории, но не в обычной для русской летописной традиции форме погодного изложения, а как ряд последовательно помещенных биографий правивших Русской землей государей. В каждом из очерков — «степеней» — помещена биография государя, которую сопровождают сочинения о митрополитах и святых, живших в годы его правления. Памятник был создан в первой половине 60-х годов XVI века рядом известных книжников под руководством многолетнего духовника царя протопопа Благовещенского собора Андрея, принявшего в 1562 году монашество под именем Афанасия. Изложение строилось на материале сложившихся в более ранние десятилетия летописных сводов (прежде всего Никоновской летописи) и житий святых, но тексты подвергались идейной и стилистической обработке; в них неоднократно вносились отсутствовавшие в источниках «Степенной книги» характеристики отдельных правителей, событий и периодов русской истории.

Уже сам замысел создания в начале 60-х годов памятника, в котором должна была быть выявлена и показана роль правителей в развитии Русского государства, вряд ли мог исходить от кого-либо иного кроме Ивана IV. О близости политических взглядов царя и идей, положенных в основу исторической концепции «Степенной книги», лучше всего говорит включение значительных фрагментов из этого источника в состав «Лицевого свода» — выполненного по заказу царя иллюстрированного изложения всемирной, а затем и древнерусской истории.

Перейдем к изложению политических взглядов Ивана IV.

Источник своей власти царь видел в воле Бога, вручившего ему эту власть, и в «благословении» прародителей — своих предков, от которых он эту власть унаследовал.

Таким образом, власть была получена царем не от подданных, и царь Иван IV неоднократно и энергично подчеркивал, что не должен ни с кем делиться этой властью: «Российское самодержавство изначала сами владеют своими государствы, а не бояре и вельможи». Напоминая о том, что царь именуется самодержцем, Иван IV восклицал: «Како наречется самодержцем, аще не сам строит». Поскольку вся полнота власти в государстве должна принадлежать царю, то он и несет ответ за то, что его «несмотрением погрешитца». Однако это была ответственность не перед подданными, а перед Богом. Что касается подданных, то, по убеждению царя, никакие его действия не

могут быть предметом разбирательства между ним и подданными: «Доселе русские владетели не истязуемы были ни от кого, но вольны были подвластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем». В соответствии с установившейся к тому времени традицией своей важнейшей обязанностью царь считал не только установление порядка в обществе, но и спасение душ своих подданных: «Тшу же ся с усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного Бога в Троице славимаго».

Таким образом, в представлении Ивана IV власть русского государства выступает как наследственная, всеобъемлющая и никому не подконтрольная (кроме Бога).

В рамках такой модели власти возможен лишь один тип отношений между правителем и подданными. Во времена молодости Ивана IV его наставник внушал ему, что Христос (царь Небесный) не стыдился называть своих «верных» братьями, а не рабами, но к началу 60-х годов XVI века эти советы царем были прочно забыты. Подданные для Ивана IV это прежде всего «рабы». Очевидно, именно такой смысл со временем стал вкладывать монарх в термин «холопы», использовавшийся для обозначения отношений военных вассалов (ныне подданных) к своему правителю. От «рабов» требуется лишь одно — беспрекословное выполнение направляющихся к ним сверху повелений: подобает «царю содержать царство и владети, рабом же рабская содержать повеления», «ига работнаго не отменяся».

На страницах Первого послания Курбскому такая модель организации общества выступает не только как идеальная, но, по существу, как единственно возможная. Как противоположность самодержавному государству с абсолютной единоличной властью правителя в его рассуждениях выступают «самовольство» или «самовластная жизнь в самовольстве». Важнейший внешний признак такого состояния — правление многих. По убеждению царя, такое правление не может привести ни к чему хорошему: «аще не под единою властью будут, аще и крепки, аще и храбри, аще и разумни, но обаче женскому безумию подобны будут». Расхождения между мыслями и желаниями этих многих правителей неизбежно приведут «к межоусобным браням» и ослаблению государства, которое погибнет, будучи не в состоянии дать отпор своим врагам.

Как на пример, доказывающий его правоту, царь указывал на «боярское правление» в России в годы его малолетства. Бояре «правити же мнящися и строити и вместо сего неправды и нестроения многая устроиша». «Аще царю не повинуются подовластные и никогда же от межоусобных браней престанут», «вся царствия нестроения и межоусобными бранями растлятся». Если подданные не хотят гибели государства и наступления анархии, они должны подчиняться своему правителю и беспрекословно следовать его приказаниям.

Ряд ясных высказываний царя не оставляет сомнений, что требо-

вания покорности адресовались монархом не только к его светским подданным, но и к духовенству. «Святитель» — духовный иерарх — обладает большой властью, но власть эта иная по природе, чем царская власть, и духовенство не должно вмешиваться в мирские дела («людского же строения ничто же творити»). Государство, в котором носитель духовной власти претендует и на светскую власть, также ждет гибель («Нигде бо обрящещи, еже не разорится царству еже от попов владому»).

Требую от подданных абсолютной покорности, царь основывался не только на рациональных аргументах от политики. Не меньшее значение имели и доводы иного порядка. Требую от подданных покорности, царь апеллировал к авторитету Священного Писания, цитируя слова апостола Павла: «Всяка душа владыкам превладающим да повинуется, никоея же бо владычества, иже не от Бога учиненна суть, тем же противляйся власти, Божию повелению-противится». Апостол предлагает повиноваться всякой власти, даже захваченной с помощью насилия («кровми и браньми»), тем более следует подчиняться власти наследственного государя. «Противляйся власти, — пишет царь, — Богу противится, аще убо кто Богу противится — сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение». Таким образом, выступление против правителя оказывалось выступлением против Бога, тягчайшим преступлением против веры.

Это представление, занимающее крайне важное место в системе взглядов Ивана IV, на страницах послания обосновывается и несколько иным образом. Существующий в России государственный строй — «самодержавство», по убеждению царя, установлен самим Богом: так, о боярах, знати он говорил, что «Божиим изволением де-ду нашему, великому государю Бог их поручил в работу». Бог избрал и Ивана IV, чтобы он правил Россией.

Что же сказать о тех, кто не желает принять «Богом им данного и рождышагося у них на царстве царя»? Это люди, которые решились противодействовать ясно выраженной воле Бога.

Ивану IV были, несомненно, известны границы, которые устанавливала для власти императора византийская традиция, перенесенная затем на древнерусскую почву: подданные могли отказать в повиновении правителю, посягающему на чистоту православного учения. Не случайно поэтому, что вплоть до самого конца своего правления царь постоянно демонстративно подчеркивал свою верность православию. Не случайно, конечно, и то, что в то самое время, когда в своем послании Курбскому царь гордо утверждал, что его забота о вере и церкви «всем видимо есть иноплемненным», в «Степенную книгу» был включен пространный текст, прославивший верность потомков Владимира православию. Противопоставляя потомков Владимира потомкам Константина Великого, составители «Степенной книги» писали: «И даже и до ныне во всех Руских самодержец

не бысть ни кто же в них, иже бы не благочестив был, и ни кто же от них никогда же ни мало не усомнися, ни смутися, ни соблазнися о истинном законе христианском... и вси единодушно богодарованную им Рускую землю от всяких ересей крепко соблюдаху».

Безукоризненное благочестие русских государей не только лишало какого-либо оправдания всякое сопротивление их власти, но и давало новые основания для того, чтобы требовать от подданных покорности и усердной службы.

К 60-м годам XVI века представление о России как своего рода оазисе православия, окруженном со всех сторон чуждым и враждебным миром, уже прочно укоренилось в сознании русского общества. Ощущение острого противостояния своей страны и внешнего мира получило новую пищу с распространением Реформации на землях государств — западных соседей России — Великого княжества Литовского, Ливонии, Швеции. Наиболее ярким, бросавшимся в глаза внешним наблюдателям признаком, отличавшим носителей новых христианских учений, было их иконоборчество — уничтожение икон и других памятников сакрального искусства. На древнерусское общество, воспитанное в многовековой православной традиции почитания икон, выстраданной в борьбе с иконоборцами на почве Византии, все это производило сильнейшее отрицательное впечатление. Стоит вспомнить, с каким негодованием писал о ливонских «икономах» на страницах «Истории о великом князе Московском» князь Андрей Михайлович Курбский. Если ранее на людей, живших в этих странах, смотрели как на христиан, хотя и худших, чем православные, то теперь стало складываться представление, что эти страны вообще отпали от христианского мира. «В тех странах, — писал Иван IV в Первом послании Курбскому, имея в виду Великое княжество Литовское и Ливонию, — несть христиан, разве малейших служителей церковных и сокровенных (то есть тайно исповедующих православную веру. — Б.Ф.) раб Господних».

В этих условиях возрастала роль царя и православного Российского государства в распространении и утверждении в мире единственной истинной веры — православия. Иван IV рассматривал себя как преемника Константина Великого в осуществлении этой миссии. В начале Первого послания Курбскому он выражал убеждение, что теперь в его руках находится «победоносная хоругвь — крест честной», врученный некогда «первому во благочестии царю Константину», а его войсками незримо предводительствует сам архангел Михаил. Что же сказать о тех, кто своим «злосесным претыканием» препятствует царю в осуществлении его священной миссии? «Тако хоти-сте утвержати православие?» — обращается Иван к подобным людям. Царь, пишет он, должен казнить воров и разбойников, но «злейша сих лукавые умышления».

Так весь набор использованных царем аргументов приводил к вы-

воду о том, что по отношению к людям, мешающим ему выполнять свои обязанности перед Богом, оправдано применение любых мер, в том числе самых жестоких.

В необходимости подобных мер царя убеждали наблюдения над тем, что происходило в соседних странах, а также обращение к опыту истории, как всемирной, так и древнерусской.

Обращаясь в 1572 году в своей «духовной грамоте» (завещании) к сыновьям, царь писал: «А всякому навывайте... и как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, что имеет, то бы есте сами знали». Таким образом, по убеждению Ивана Васильевича, настоящий правитель должен знать, как устроены те государства, с которыми Россия поддерживает отношения. Содержание посланий, отправленных им в последующие годы различным иностранным государям, также показывает, что разнообразная информация о соседних государствах, поступавшая в Посольский приказ, живо воспринималась царем и на ее основе вырабатывались его представления о том, что происходит в окружающем мире.

Даже в кратких курсах европейской истории можно прочесть, что XVI век был временем появления первых абсолютистских монархий в Европе. Казалось бы, наблюдения над европейской жизнью того времени должны были внушить Ивану Грозному уверенность в неминучей и близкой победе сильной центральной власти. Однако и сам круг стран, доступных для наблюдения, и характер информации, поступавшей в распоряжение царя, склоняли его к иным выводам.

В главном из западных соседей России — Великом княжестве Литовском (соединенном унией с Польским королевством) именно в середине — второй половине XVI века завершается процесс формирования «сословной монархии», ограниченной в своей компетенции в пользу сословий и находящейся от них в зависимости. Завершающим формальным моментом этого процесса был отказ современника Ивана IV — Сигизмунда II от наследственных прав на литовский трон. После смерти Сигизмунда II его преемники, в частности французский принц Генрих Валуа, должны были заключать с сословиями формальный договор — *tracta conventa*, в котором определялось, на каких условиях король будет править страной. Обо всем этом Иван IV не мог не знать, так как сам был в эти годы одним из претендентов на польский трон, и его сторонники прислали ему копию заключенного соглашения, так называемых «Генриковских артикулов». Царь ясно представлял себе, что правитель Речи Посполитой возводится на свой трон сословиями и находится от них в зависимости. Одному из преемников Сигизмунда II, королю Стефану Баторию, он так и писал: «Тебя... обрали народи и станы (сословия. — Б.Ф.) королевства Полскаго, да посадили тебя на те государства устраивати их, а не владети ими. А они люди во всей своей поволности, а ты им на маистате всеи земли присягаешь».

Эти высказывания относятся ко времени более позднему, но уже в 60-е годы царь был убежден в том, что его противник Сигизмунд II не обладает реальной властью в стране, а власть эта находится, по существу, в руках могущественных вельмож — «панов». В послании, написанном Сигизмунду в 1566 году от имени боярина М.И. Воротынского, но под диктовку царя (об этом интересном документе нам еще придется говорить), читаем: «Еси посаженной государь, а не вотчинной, как тебя захотели паны твои, так тебе в жалованье государство и дали». В Первом послании Курбскому, бежавшему в Литву, царь не без яда писал: тот, желая «в самовольстве самовластно жити», избрал себе государя «худейша худейших раб суша, понеж от всех повелеваем».

Хорошо известно, что внутривластное положение другого западного соседа России — Шведского королевства — было существенно иным, чем Польши и Литвы. С именем современника Грозного, шведского короля Густава I Вазы, исследователи связывают начало абсолютистской политики в Швеции. Иначе оценивал положение в Швеции Иван IV. Его взгляды на этот счет нашли свое выражение в послании, которое царь направил в 1573 году сыну Густава королю Юхану III. Густав Ваза был для Грозного самозванцем низкого — «мужицкого» рода, который некогда пас коров (царь саркастически писал: чтобы занять шведский престол Густав «пригнался из Шмолант с коровами»). Он захватил трон, воспользовавшись восстанием подданных против законного государя — «дородного короля» Кристиана II. Иван IV безошибочно обнаружил черты, свидетельствовавшие о том, что шведский король не является «великим государем»: при заключении перемирия между Россией и Швецией шведские послы заключали мир «от Гастауса короля и от советников королевства Свейского», а его прочность со шведской стороны гарантировали король и, от имени сословий, архиепископ Упсалы. Это значило, что шведский король делит власть с сословиями. «А послы, — писал Иван Васильевич Юхану III, — не от одного отца твоего, от всего королевства Свейского, отец твой у них в головах, кабы староста у волюсти».

Это был не единственный самозванец, взойшедший на престол в результате неповиновения подданных. Так, в Венгрии «наивышший гетман» Януш Заполья «зрадил» своего законного короля Людовика, побудив подданных не помогать ему в войне с турками. В результате король Людовик погиб, а Заполья захватил трон с помощью султана. «Тако ли прегордые царства разоряете, еже народ безумными глаголы наущати и от брани отвращати, подобно Янушу Угорскому», — писал царь с гневом в Первом послании Курбскому.

Характерной чертой первых абсолютистских монархий в Европе было внимание к экономической жизни, стремление активно содействовать развитию торговли и промышленности. Эти новые черты

политической практики не прошли мимо внимания царя, но только усилили его антипатию к политическим режимам, существовавшим у западных соседей России. С отвращением царь писал о том, что когда при Густаве Вазе в Швецию приезжали русские торговые люди с салом и с воском, то шведский король, «сам, в рукавицы нарядясь, сала и воску за простого человека вместо опытом пытал и пересматривал на судех». Неприязнь царя была вызвана не только тем, что такое поведение не соответствовало достоинству государя («коли бы отец твой не был мужичей сын, и он бы так не делал» — писал Иван Васильевич шведскому королю Юхану III). Причины антипатии лежали глубже, и их можно понять, обратившись к его посланию английской королеве Елизавете.

Правление Елизаветы в Англии считается временем расцвета английского абсолютизма. Но у Ивана IV были свои представления о политическом устройстве Англии. Елизавета, как и другие известные царю западные правители, не принадлежала к числу «прирожденных» государей, она не получила власть по наследству, а была возведена на трон английскими сословиями («Филипа короля испанского аглинские люди с королевства сослали, а тебя учинили на королевстве»). Поддерживая торговлю и зарождающуюся промышленность, Елизавета оказывала покровительство «Московской компании» — объединению английских купцов, торговавших с Россией. Расширение ее привилегий ставилось непрямым условием заключения соглашения о союзе между Россией и Англией, которого добивался Иван IV. Раздосадованный царь писал королеве: «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь... ажно у тебя мимо тебя люди владеют, не токмо люди, но и мужики торговые, и о наших государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая (простая. — Б.Ф.) девица».

Таким образом, чрезмерная забота Елизаветы об интересах своих купцов привела царя к убеждению, что именно эти купцы и обладают властью в стране, а королева лишь выполняет их волю. На воображаемой иерархической лестнице Елизавета стояла гораздо ниже даже польского короля Сигизмунда II: тот повиновался решениям своих «панов», а Елизавета — еще и «торговых мужиков».

На какое из государств, лежавших на Запад от России, ни падал взгляд царя, везде у власти находились не «природные государи», а правители, зависевшие от сословий. «А о безбожных языцех, что и глаголат! Неже те все царствию своими не владеют: как им повелят работные их, так и владеют», — писал царь в 1564 году в Первом послании Курбскому.

Перед царем не мог не возникнуть вопрос: а не пойдет ли и Россия по тому же пути?

Правда, все эти государства принадлежали к иному миру, миру, где господствовала «ложная вера» — католицизм или протестантизм разных толков. Может быть, само господство в России, «православном» царстве, единственно истинной православной веры могло служить гарантией того, что здесь подобная ситуация не повторится?

В размышлениях на этот сюжет царь искал ответа, обращаясь к истории мировой православной империи — Византии, в середине XV века окончательно завоеванной османами.

В русском средневековом обществе в течение длительного времени существовала одна общепризнанная версия причин падения Византии. Это была Божья кара за то, что греческий император и греческая церковь на созванном в 1439 году во Флоренции соборе согласились на церковную унию с латинянами. «Весте, сынове, колику преже беду подъя Царствующий град от болгар, тако же от перс... но подряху донеле же, сынове, благочестии, ничто же град не пострада же», когда же «своего благочестия отступи, весте, что пострадаша, какова пленения и смерти различниа быше, о душах же их Бог весть един», — писал вскоре после взятия Константинополя турками московский митрополит Иона. Пока Византия хранила верность православию, попытки разных «варваров» захватить «Царствующий град» — Константинополь оказывались тщетными, но, как только Византия отступила от истинной веры, ее сразу настиг Божий гнев.

В середине XVI века эта общепризнанная теория была поставлена под сомнение.

В Москве к этому времени молчаливо отказались от обвинений греческой церкви и Византии в сговоре с «латинством». В «Степенной книге», отражавшей точку зрения официальных московских церковных и светских кругов начала 60-х годов XVI века, рассказывалось, что когда после заключения во Флоренции соглашения о объединении католической и православной церковью папа послал в Константинополь «на патриаршество» своего ставленника Григория, «православнии святители и вси люди не токмо не прияша» его, но и сорвали с него святительские одеяния, и он бежал в Рим. После этого «бысть поставлен в Цариграде патриарх православен», а те, кто, «не стерпеша мук», согласился в Италии на соединение с латинянами, припали к ногам этого патриарха «и прощения прошаху, кричаще и плачуще неутешно». Если, как утверждали в Москве, в Константинополе сразу же и безоговорочно отвергли унию, заключенную во Флоренции, то, следовательно, причины обрушившегося на Византийскую империю «Божьего гнева» следовало искать не в религиозной политике последних византийских императоров.

Тогда в чем же? На вполне закономерный в середине XVI века вопрос о причинах падения мировой христианской империи были предложены разные ответы. Максим Грек в своих посланиях Ивану IV объяснял, что «Божий гнев» вызвали несправедливые поступки гречес-

ких царей по отношению к своим подданным, их «гордость и превозношение».

Совсем другой ответ на этот вопрос предложил Иван Семенович Пересветов.

Пересветов в России был пришельцем, выходцем из мелкой православной шляхты Великого княжества Литовского, и его жизненный путь резко отличался от жизненного пути большей части русских дворян и русских книжников. В составе одного из наемных отрядов, набиравшихся польскими и литовскими магнатами, он принял участие в борьбе за венгерский трон между Янушем Заполья, которого поддерживали османы, и Фердинандом Габсбургом. В середине 30-х годов XVI века, находясь в молдавской столице Сучаве, он познакомился с выходцем из России Василием Мерцаловым и под впечатлением его рассказов решил искать себе счастья в Русском государстве. Хотя большая часть его службы прошла в войсках Фердинанда Габсбурга, Пересветов прибыл в Россию горячим энтузиастом османских порядков. Османская империя представлялась ему совершенным государством, которому для достижения идеала не хватало только принятия истинной православной веры.

Знакомство с сочинениями Пересветова ясно показывает, чем именно импонировал ему, человеку, для которого военная служба долгое время была профессиональным занятием, государственный строй Османской империи. Вся совокупность институтов этого государства была направлена на постоянное ведение войны. Объектом главного внимания власти было здесь «войско царское», которое «с коня не сседает и оружия из рук не испускает». Все государственные доходы шли на содержание этого войска, раздавались тем, «кто готов с честью умереть на игре смертной с недругом». Очень импонировало Пересветову и то, что личная доблесть позволяла каждому воину занять в войске сколь угодно высокое положение: «Ин у царя кто против недруга крепко стоит, смертною игрою играет и полки у недругов разрывает и царю верно служит, хотя от меньшого колена, и он его на величество подымает и имя ему велико дает... А ведомо нету, какова они отца дети». Именно благодаря этим особенностям своего строя Османская империя превратилась в могущественную державу.

Совсем иначе выглядело в изображении Пересветова государственное устройство Византии. Здесь вся власть находилась в руках вельмож, которые богатели от «неправедного суда», угнетая население и присваивая себе государственные доходы, опустошая казну. Чтобы наслаждаться жизнью на приобретенные неправедные доходы, они старались «царя (то есть византийского императора. — Б.Ф.) укротить от воинства, самим бы в упокою пожить». В результате «воинники оскужались и нищали», так как «все царство заложилося за вельмож».

Пересветов нигде не вступает в полемику с официальной обще-

принятой версией причин падения Царьграда — Константинополя, но внимательному читателю его произведений становилось ясно, что Византийская империя пала из-за пороков своего общественно-политического строя.

В научной литературе очень оживленно обсуждался вопрос, были ли известны царю сочинения Пересветова. Не предпрещая окончательного решения вопроса, хотелось бы отметить, что в вопросе о причинах падения Византийской империи точка зрения Ивана IV была принципиально близка точке зрения Пересветова, отличаясь и от общепринятой версии, и от той, которой придерживался Максим Грек. Однако между взглядами двух современников следует отметить и одно весьма важное различие.

Для Ивана Пересветова падение Византии и возвышение Османской империи стало результатом случайного стечения обстоятельств. Вельможи захватили власть в Византии, воспользовавшись малолетством последнего византийского императора Константина, а у османов появился мудрый правитель «Магмет-салтан»: отец его был разбойником на море, а он создал могущественную державу.

Иван IV, в отличие от Пересветова, был образованным человеком, хорошо знавшим славянские переводы византийских хроник, в которых подробно излагалась многовековая история «Греческого царства». Он вряд ли мог удовольствоваться объяснением публициста, так как ему, несомненно, было известно, что император Константин XI вступил на престол взрослым человеком, а отец Мехмеда II («Магмет-салтана») Мурад II был не морским разбойником, а могущественным правителем.

Однако, как представляется, сочинения Пересветова заставили его задуматься над вопросом о причинах упадка Византии, побудили искать ответ в неизвестных Пересветову повествованиях византийских хронистов.

Итоги этих размышлений нашли свое выражение на страницах Первого послания Курбскому. Здесь встает яркая картина многовекового распада некогда могущественной мировой империи. Распад этот начался уже при преемниках Константина Великого, когда «князи и местоблюстители... упражняхуся на власти и чести, и богатстве, и междоусобными бранями растлевахуся». От империи отпадала одна область за другой, однако все эти беды не образумили византийскую знать: «Епархом же и сигклиту всем влаstem не prestaюще о властех меж себя ратоватися... не prestaюще от своего злаго перваго обычая никако же». В результате греки, взимавшие ранее дань со многих стран, «нестроения ради» оказались вынуждены сами платить дань и в конце концов «безбожный Магмет власть греческую погаси». Не могло быть никаких сомнений в том, что именно византийская знать своими многолетними раздорами привела к гибели одну из главных держав христианского мира.

Рассуждения Ивана Пересветова о различиях византийского и османского строя не носили, конечно, отвлеченного, «академического» характера. Его обвинения в адрес византийских вельмож, разоривших своими беззакониями страну, опустошивших государственную казну и ставших причиной обнищания «воинников», были нацелены прямо против бояр, разорявших страну в малолетство Ивана IV.

К тому времени, когда Иван IV взялся за перо, эти беды отошли в прошлое, однако при чтении византийских хроник в сознании все равно протягивались параллели между русскими и византийскими сюжетами. Царь укреплялся в убеждении, что чрезмерная доля власти в руках знати опасна для государства и может привести его к гибели: «Тамо быша царие послушны епархом и сигклитом и в какову погибель приидоша».

Подобный вывод подтверждало и обращение к опыту древнерусской истории. Показательно в этом плане, как характеризуются основные моменты политического развития Древней Руси в тех рассуждениях, которые составители «Степенной книги» вносили в тексты собранных ими источников.

Эпоха Владимира — время расцвета Древней Руси, время установления самодержавного правления. Дух Святой поставил Владимира «безумных человек обуздовати на разумие». Начавшийся затем упадок был вызван тем, что люди «самовластием шатахуся». Содержание этой краткой формулы далее подробно раскрывается. С разделением государства между сыновьями правителя увеличивается и число «вельмож» в отдельных княжениях. Затем «совразсте вельможству гордость, прииде им к богатству изобиливание и совниде им к богатству неправда». Одновременно члены княжеского рода стали бороться друг с другом, так как «друг перед другом честь и начальство получитьи желаше» и «брат на брата иноплеменных языки поганых варвар наводяше». Следствием стал Божий гнев и покорение русских земель татарами.

Такое горестное положение продолжалось, по существу, до самого правления Ивана III. Лишь когда Бог дал Руси такого правителя, как «Израилю Моисея», он пресек «вражду», устранил «многоначалие» и «самовластие». В частности, в Новгороде великий князь «самовольство их упраздни и бесчинныя их советы разори и облада ими, яко же восхоте».

Таким образом, ослабление самодержавного правления из-за «распрей» и «самовольства» членов княжеского рода и вельмож уже однажды привело Русское государство на край гибели. От участи, постигшей Греческое царство, Россию спасла сильная воля Ивана III.

Эти исторические изыскания заставляли по-новому взглянуть на действия боярских правителей в годы малолетства царя. Становилось очевидным, что всякое, хотя бы временное ослабление власти чрева-

то бедами и напастями, которые в конечном итоге могут привести к поражению в борьбе с внешними врагами и гибели государства.

Действия знатных подданных, ограничивавшие его власть, Иван IV воспринимал как новую попытку направить Россию на тот гибельный путь, с которого она сошла благодаря мудрой политике его деда. Царь готов был прибегнуть к любым мерам, чтобы этого не допустить.

Такие убеждения царя рано или поздно должны были привести к конфликту и разрыву и с его наставником, и с его фаворитом, которые убеждали его управлять подданными с помощью «милости» и «милосердия» и идти на уступки их пожеланиям. В известной мере делом случая стало то, что на практике разрыв произошел из-за разногласий по вопросам внешней политики.